

Всё по закону, или почему слова такие разные

Михаленко А. О. Интересная лингвистика

В конце XVIII века английский востоковед Уильям Джонс впервые обнаружил, что существует сходство между древнеиндийским санскритом, древнегреческим и латынью, но тогда он ещё не мог объяснить этого сходства. Идеи родства между некоторыми европейскими языками возникали и раньше, но только с открытием санскрита стало возможно говорить о настоящих закономерностях. Будучи гениальным человеком, Джонс предвидел существование общего праязыка, он говорил о том, что сравнение языков должно быть системным. Его идеи были быстро подхвачены следующими поколениями лингвистов, которые за двести лет создали эту систему и доказали верность предположений Джонса.

Сегодня мы знаем о существовании такой науки как индоевропеистика. За двести лет в этой области был накоплен колоссальный материал. Была произведена реконструкция древнего языка, который не имел письменности и которого мы никогда не слышали. Кроме того было доказано, что сотни языков и диалектов, простирающихся от Индии на востоке до самых крайних европейских стран на западе – это потомки одного праязыка, называемого праиндоевропейским.

Сегодня в рамках сравнительно-исторического языкознания известно большое число фонетических законов, которые ошибочно игнорировались раньше и продолжают игнорироваться некоторыми псевдолингвистами сегодня. На это указывал ещё Джонс, но даже он больше внимания уделял грамматике сравниваемых языков, нежели фонетике.

Немецкий филолог Якоб Гримм (тот самый, что со своим братом Вильгельмом занимался немецким фольклором) понял, что фонетика – это ключ к пониманию многих закономерностей в германских языках. До него подобное предположение высказывал датский лингвист Расмус Раск. В своей «Исландской и древноревенской грамматике» (1811) он впервые упомянул о закономерностях в системе согласных, которые могли бы стать доказательством родства германских языков с другими индоевропейскими языками, но эти доказательства не затрагивали всего массива известных сегодня переходов и в ряде случаев были ошибочны. Ошибки Раска исправил Гримм, который довёл всю систему до совершенства, открыв ряд новых переходов. Его открытие справедливо носит название «закон Гримма», или «первое передвижение согласных» (*erste Lautverschiebung*).

Здесь будут упомянуты лишь некоторые переходы, открытые Раском и Гриммом. На самом деле их гораздо больше. Одними из самых известных являются переходы праиндоевропейских глухих $*p$, $*t$ и $*k$ в спиранты f , $þ$ и h . Так, следуя первому переходу ($*p \rightarrow f$), мы можем объяснить родство нем. *Fisch*, англ. *fish*, готск. *fisks* (прагерм. $*fiskaz$) с лат. *piscis* (пра.-и.е. $*pisk-$). Второй переход ($*t \rightarrow þ$) мы наблюдаем в англ. *three*, исл. *þrír* (прагерм. $*þrīz$), которые в лат. *trēs*, др.-греч. *τρεις*, рус. *три*, лит. *tryš* и санскр. त्रि (*tri*) сохраняют древний $*t$ от пра.-и.е. $*tréyes$. Третий переход ($*k \rightarrow h$) наблюдаем в англ. *hound*, нем. *Hund*, дат. *hund*, хотя в лат. *canis* и греч. *κύων* сохраняется древний $*k$, который был в пра.-и.е. слове $*k̑wōn$.

Как мы видим, в германских языках всё происходит по определённым законам, которые отмечаются на большом массиве слов, где в определённой позиции имеются указанные звуки. И сдвигов таких большое количество: $*k^w \rightarrow h^w$, $*b \rightarrow p$, $*d \rightarrow t$, $*g \rightarrow k$, $*g^w \rightarrow k^w$ и т. д. Впоследствии эти переходы были дополнены законом Карла Вернера, который объяснял исключения из этого правила акустическими причинами. С тех пор обособленность германских языков от других индоевропейских считается полностью объ-

Всё по закону, или почему слова такие разные

Михаленко А. О. Интересная лингвистика

яснённой, хотя объяснение причин таких передвижений и их датировки наталкиваются на ряд трудностей.

Если смотреть более глобально, то такие переходы характерны для каждой языковой группы и для каждого языка в отдельности. Так, сегодня мы знаем, что «потомки» праиндоевропейского **g^wi_hzwe-* «жить» обнаруживаются едва ли не во всех индоевропейских языках. Например, в санскрите древний согласный **g^w* при определённых условиях переходит в *j*, и этим объясняется вид санскр. जीवति (*jīvati*) «жить» и хинд. जीना (*jīnā*) «жить». В славянских языках этому звуку соответствует *g* или *ž*, поэтому мы можем говорить о восхождении русск. *жить*, сербохорв. *живети*, чешск. *žít*, польск. *żyć* к тому же корню. В литовском **g^w* перешёл в *g*, и отсюда лит. *gyventi* «жить». В древнегреческом и латыни **g^w* переходит *b* и *v* соответственно, поэтому возникли такие не похожие на изначальный вариант греч. βίωμα «жить», βίος «живой» и лат. *vīvō* «жить», *vīvus* «живой». Наконец, уже упоминавшийся выше переход **g^w* в *k^w* для германских языков даёт прагерманское **kwikwaz* «живой; быстрый», от которого происходят англ. *quick* (др.-англ. *cwīc*), швед. *kvick*, исл. *kvikur* в значении «быстрый». Все эти фонетические закономерности были выявлены на материале тысяч аналогичных случаев.

Этимология живёт по законам, действие которых доказали лингвисты более чем за двести лет работы со словарями и грамматиками сотен языков. Последние находки и открытия в этой области только подтверждают их истинность и дополняют уже существующую картину. Лингвисты сделали практически невозможное: они оживили мёртвую материю. Поэтому если вы видите, что какое-нибудь персидское *bad* «плохой» произносится практически так же, как английское *bad* «плохой», не спешите радоваться находке и говорить о родстве этих слов. Опыт этимологов показывает, что языки меняются, и сходства между столь далёкими языками могут быть абсолютно случайными. В данном случае они как раз случайны. Неслучайны лишь несходства, которые встречаются регулярно.